

СМЕРТЬ ПРОВИНЦИИ, ИЛИ НЕТЪ?

(Открытие письма Д. А. Мордовцеву).

Письмо I.

Затронутый вами, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, вопросъ о судьбахъ провинціальной печати на столько близокъ всякому провинціальному писателю, что смолчать ему о немъ мудрено, и тѣмъ болѣе мудрено это съ моей стороны, потому что статья ваша не мало цитируетъ именно моихъ мыслей.... Ниже постараюсь однако объяснить, на сколько онѣ, въ дѣйствительности, могутъ считаться моими.

Я хочу отвѣтить вамъ, во-1-хъ, потому, что не могу согласиться съ вами; во-2-хъ, потому, что вижу въ васъ объективнаго изслѣдователя, наблюдающаго еще далеко не изслѣдованное явленіе и естественно колеблющагося въ оцѣнкѣ его; въ-3-хъ, потому, что, наблюдая то-же явленіе, полагаю, что лишній голосъ, лишнее мнѣніе не помѣшаютъ, а, напротивъ, помогутъ установленію на явленіе болѣе правильной и разносторонней точки зрѣнія; въ-4-хъ, потому, что, повторяю, статья ваша цитируетъ мои мысли, и, слѣдовательно, именно мнѣ и неприлично обойти ее молчаніемъ; и, наконецъ, въ-5-хъ, потому, что я вижу въ васъ друга, желающаго добра провинціальной печати, которому и я хочу, на сколько смогу, помочь въ отысканіи истины, послужить ему матеріаломъ для такого отысканія.... Недругу я или не сталъ-бы вовсе возражать, или возразилъ-бы совсѣмъ иначе.

Подмѣчая фактъ поражающаго роста центровъ, вы спрашиваете, почему человѣкъ отдается обаянію силы

центростремительной, а не силы центробѣжной, почему онъ „повинуется силѣ, повидимому, убивающей равенство, хотя въ принципѣ признаетъ не только законность существованія, но право первенства въ этомъ существованіи за силою центробѣжною, за силою децентрализирующею?“ (стр. 49 „Дѣла“, № 9, 1875 г.)— и находите отвѣтъ на свой вопросъ у Эли Реклю, который, какъ вы говорите, остроумно объясняетъ дѣло естественными законами жизни и развитія, стремленіемъ большихъ рыбъ въ большія моря, большихъ инфузорій въ большіе стаканы и т. д. Вы примѣняете остроуміе названнаго автора къ общественной жизни человѣчества и говорите, что „печать вмѣстѣ съ человѣкомъ будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, а провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ“ (стр. 51).

Если-бы вы только это сказали, т. е., что печать будетъ тяготѣть къ *городамъ*, я-бы не сталъ возражать вамъ: я съ этимъ „до мозга костей“ согласенъ, какъ со всякимъ очевиднымъ, безспорнымъ въ данную минуту фактомъ. Но вы во всей статьѣ вашей только въ одномъ этомъ мѣстѣ сказали „къ городамъ“, а вся статья ваша говоритъ о ростѣ *столицъ*, на счетъ своихъ окраинъ и всего, болѣе или менѣе отдаленнаго отъ центра“ (стр. 49), и потому-то я и протестую противъ вашихъ возрѣній.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что китъ можетъ жить въ Тихомъ океанѣ, и не можетъ жить у насъ, въ Пьянѣ; не подлежитъ также сомнѣнію, что въ природѣ существуетъ законъ централизаціи... Но также не подлежитъ сомнѣнію и то, что китъ живетъ тамъ, гдѣ для его жизни представляются благоприятныя условія, и что рядомъ съ закономъ централизаціи существуетъ въ той-же природѣ и законъ децентрализаціи; разсуждая такимъ образомъ, можно доказать не только то, что китъ въ Пьянѣ жить не можетъ, но и то, что со временемъ законъ централизаціи такъ усилится, что всѣ 1,377 милліо-

новъ населенія земного шара, по Суворину, со всѣмъ ихъ естественнымъ приростомъ, по Буяковскому, будутъ жить вмѣстѣ, въ одной всемирной столицѣ, а все остальное мировое пространство будетъ безлюдной пустыней; что хлѣбъ къ тому времени наука изобрѣтетъ добывать въ самой-же столицѣ, на крышахъ дворцовъ богачей или, всего вѣроятнѣе, дворцовъ фаланстерій.... Словомъ, я вамъ берусь доказать, что со временемъ законъ централизаціи упразднитъ въ природѣ существованіе закона децентрализаціи и, пожалуй, обратно; что тогда не будетъ споровъ и о томъ, гдѣ дѣйствуетъ одинъ, гдѣ—другой, такъ-какъ оба будутъ дѣйствовать вмѣстѣ или оба съѣдятъ другъ друга и перестанутъ дѣйствовать вовсе.

Кромѣ всякихъ шутокъ, я не стану доказывать, что этаго не будетъ, потому что ни я, ни мудрѣйшій изъ мудрѣйшихъ въ мірѣ не знаетъ, будетъ-ли оно или нѣтъ; замѣчу только, что пока въ природѣ, повторяю, рядомъ съ силой центростремительной существуетъ сила центробѣжная, замѣтитъ одну другой человекъ по своему произволу не въ состояніи и, слѣдовательно, ему остается только одно занятіе—наблюдать, гдѣ дѣйствуетъ одна, гдѣ—другая. Мы и наблюдаемъ. Вы находите, что въ общественной жизни человека положительная роль остается за столицей національности, государства въ настоящее время, и за столицами цивилизаціи — въ будущемъ, а всему остальному предоставляется одно пассивное участіе на общемъ пирѣ человека; мы находимъ, что рядомъ съ значеніемъ столицы *начинаютъ имѣть*, а слѣдовательно и *будутъ имѣть* и *должны имѣть* значеніе и другіе, такъ-называемые провинціальныя центры.

Давайте говорить конкретнѣе. Вы утверждаете, что населеніе Лондона, Парижа, Берлина растетъ въ поражающей прогрессіи. Я съ вами согласенъ, но, прибавляю, беря въ руки учебникъ географіи Ободовскаго, изданный въ 1852 году, по которому вы, вѣроятно, со мною учи-

лись, и повѣйшія статистическія данныя, которыя намъ одинаково должны быть извѣстны, что 20 лѣтъ тому назадъ въ Казани считалось 40,000 жителей, теперь до 100,000, въ Кіевѣ—48,000, теперь—127,000, въ Иркутскѣ—17,000, теперь почти 33,000, въ Саратовѣ—42,000, теперь до 100,000, въ Самарѣ—15,000, теперь—35,000, въ Нижнемѣ—31,000, теперь до 50,000 (въ дѣйствительности не менѣе 75,000), въ вятской губерніи—700,000, теперь до 1.100,000 и т. д., и т. д. Вы говорите, что „города дюжинности какъ сто лѣтъ тому назадъ имѣли 5—6 тысячъ жителей, такъ и теперь дошли развѣ до 10—12 тысячъ“ (стр. 49). А развѣ этого мало для „городовъ дюжинности?“ Но я, пожалуй, съ вами соглашусь, и даже пойду далѣе васъ и обращу ваше вниманіе на то, что если „города дюжинности дошли развѣ до 10—12 тысячъ“, то деревня Зажопиха, Маріенталь тожъ*), какъ теперь имѣетъ 235 душъ населенія обоюго пола, такъ имѣла его, очень можетъ быть, не болѣе не только 100, но и 200, и 300, и 400, и 500 лѣтъ тому назадъ... Что-же изъ этаго слѣдуетъ? Постараюсь вамъ доказать, что не то, по крайней мѣрѣ, что вы думаете.

Вы говорите, что „еще недавно у насъ возлагались большія надежды на провинціальную печать...“ но „къ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя порыванія провинцій такъ, кажется, покуда и должны остаться порываніями, потому что питаемыя ими надежды и заявляемыя ими притязанія на равную съ крупными интеллигентными центрами долю въ участіи въ общечеловѣческой работѣ печатнаго слова почти не имѣютъ подъ собою реальной почвы...“ и т. д. (стр. 47). Вотъ съ этимъ я никакъ согласиться не могу. Вѣдь если вы говорите *недавно*, то не могу же я думать, что вы говорите о прошлой недѣлѣ или хотя-бы о 1870 годѣ (беру его на удачу) вплоть до появленія въ 1875 году, въ № 7 „Двѣ“,

*) Нижегородской губерніи, княгининскаго уѣзда. (См. № 2,240 „Списка населенныхъ мѣстъ“, изд. центр. стат. комитетомъ).

миѣній Мишеля Триго... Когда же это „недавно возлагались“? Миѣ кажется, только *теперь*, растягивая это *теперь* лѣтъ на 10, 15, 20 назадъ и на неопредѣленное число лѣтъ впередъ, начинаютъ *возлагаться* надежды на провинціальную печать, а „недавно“ ей вовсе не существовало, какъ недавно почти вовсе не существовало *русской* печати.... Видь такія явленія, какъ развитіе печати, измѣряются столѣтіями, а не годами.... Доказывать ли это? Думаю, что не надо. Довольно, миѣ кажется, высказать одно почти голое положеніе, не особенно ломая голову надъ мотивированіемъ его, что *недавно еще едва зародилась печать въ провинціи*, что роды ея, и роды, по всеѣмъ разчетамъ, трудные, еще только начинаются, еще только обнаруживаются страшными потугами, и безъ наложенія щипцовъ дѣло не обойдется.... Но тщательное акушерское изслѣдованіе ширины груди, размѣровъ головного костьяка, который нѣсколько и помнется въ рѣшительную минуту, когда раздастся первый здоровенный крикъ народившагося организма, можетъ уже и теперь дать приблизительно точное опредѣленіе о будущемъ развитіи этого организма.... Оставляя, однако, въ сторонѣ реторику, миѣ кажется, нельзя не констатировать слѣдующаго явленія. Общественная жизнь сильно развивается въ XIX столѣтіи. Развитіе это, согласенъ, рѣзче и потому легче подчиняется наблюденію въ большихъ центрахъ (прибавлю: какъ столичныхъ, такъ и провинціаль-ныхъ), но также можетъ быть наблюдаемо и по мѣрѣ отдаленія отъ этихъ центровъ. Рядомъ съ общимъ развитіемъ идетъ и развитіе провинціальной печати. Лѣтъ 20 тому назадъ туземный сатирикъ имѣлъ полное право декламировать въ пустой читальной клубной комнатѣ едва-ли не любого изъ нашихъ столичныхъ и провинціальныхъ городовъ:

Что это за городъ, Господи ты, Боже!
 Ни одной знакомой и по сердцу рожи!
 Все такъ смотритъ чинно, такъ официально,
 Не съ кѣмъ слова молвить конфиденціально!..

Теперь (относительно, конечно,) это декламируется труднѣе: теперь и знакомую рожу найти легче, и конфиденціально побесѣдовать съ ней можно. До шестидесятыхъ годовъ не одни „Губернскія Вѣдомости“ (существовали почти они одни, провинціальной печати не было), но и столичная печать проявлялась, главнымъ образомъ, на счетъ одной теплоты чувствъ. Теперь и провинція смѣется надъ теплою чувствъ своихъ доморощенныхъ литературныхъ проевѣтителей и истолкователей. Такія явленія, какъ „Камско-Волжская Газета“, „Сибирь“, „Кіевскій Телеграфъ“, „Кіевлянинъ“, „Донская Газета“, „Новороссійскій Телеграфъ“ и др. (какъ видите, я не дѣлаю тенденціознаго подбора), при всей настоящей наличности условій ихъ существованія, лѣтъ 10—15 тому назадъ были вовсе немислимы. Я не хочу этимъ сказать, что названныя изданія, также какъ и нѣкоторые другія,—идеаль совершенства; съ моей точки зрѣнія, они не болѣе, какъ родовыя потуги; я хочу только сказать, что они 10—15 лѣтъ тому назадъ были немислимы. Не въ томъ дѣло, чтобы намъ, провинціаламъ, областникамъ (позвольте мнѣ употребить это выраженіе), стремиться во что-бы то ни стало, чтобы

...собственныхъ Ньютоновъ

и гордыхъ разумовъ Платоновъ XIX вѣка рождать, но въ томъ, чтобы наши маленькіе Ньютоны и Платоны не запутывались.

Какъ въ наукѣ, такъ и въ другихъ проявленіяхъ человѣческой жизни „недавно“ преобладала централизація почти всецѣло; но начинаетъ кончаться ея исключительное преобладаніе и заявляетъ свое право на существованіе самостоятельная жизнь и внѣ центра. Знаменитое и опошленное, какъ и многія другія, словечко *автономія* вовсе не такъ смѣшно, хотя я и самъ вамъ могу рассказать анекдотъ, за достовѣрность котораго ручаюсь, такъ-какъ былъ свидѣтелемъ его, о томъ, какъ на одномъ изъ торжественныхъ обѣдовъ въ Нижнемъ одно лицо,

читая написанную для него рѣчь, замѣнило въ ней слово *автономія* — *анатоміей*... и, пожалуй, не ошиблось, такъ-какъ автономія, какъ и анатомія *разъѣкаетъ* тѣло, но не мертвое, и для того, чтобы еще болѣе дать ему жизни... Вы утверждаете, что провинціальная печать „не имѣетъ подъ собою реальной почвы“. Да, это такъ, если не имѣетъ подъ собою реальной почвы и сама провинція; но областное земство, администрація, школа, судъ и т. д., и т. д. — развѣ все это не реальная почва?... Развѣ областная провинціальная печать не можетъ имѣть своего мѣстнаго, и не по однимъ областнымъ, но и по государственнымъ вопросамъ, развѣ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ никогда не принадлежало провинціи, развѣ, наконецъ, не провинція *суть* всей силы и безсилія *своего центра* (съ вашей точки зрѣнія), безчисленнаго множества *своихъ центровъ* (съ моей)? Что-нибудь одно: или въ странѣ умъ, словомъ, вся интеллигенція, вся сила въ самомъ обширнѣйшемъ смыслѣ слова, сосредоточивается, и можетъ быть сосредоточена въ одномъ только центрѣ, а все остальное представляетъ гигантскаго олуха, передъ которымъ знаменитый Прокopfъ — сосудъ всевозможныхъ совершенствъ, или задача прогресса заключается въ возможно большемъ его распространеніи, о предѣлахъ котораго и разсуждать-то въ настоящее время неблагоуразумно, такъ-какъ тутъ не уберешься отъ того, чтобы чѣпухи не напороть. Не стану увлекаться восхваленіемъ нашихъ мѣстныхъ благъ, скудость которыхъ вовсе не представляетъ такого контраста съ вашими петербургскими „богатствами“. Мнѣ вотъ такъ и кажется, что вы сами видите то, что и я вижу, и только притворяетесь, что не видите. Вы сами провинціалъ до того, что еще года долтора тому назадъ я изъявилъ готовность принять на себя исполненіе мысли одного пріятели написать для „Камско-Волжской Газеты“ статью: „Д. Л. Мордовцевъ и его значеніе въ литературѣ Поволжья“, и не написалъ ее только потому, что въ это время „Камско-Волжская

Газета“ прекратилась; но я не оставляю мысли об этой статье, въ которой, между прочимъ, постараюсь доказать, что въ Саратовѣ вы не могли написать „Печать въ провинціи“, и если ее написали въ Петербургѣ, то только потому, что искусственно напустили на себя „петербургство“.

Резюмирую все то, о чемъ я до сихъ поръ говорилъ. Писатель-децентралистъ думаетъ, что рядомъ съ печатью столицъ должна существовать печать провинцій, рядомъ съ печатью большихъ центровъ. Жизнь сама намѣтитъ эти центры. А о томъ, чтобы каждый поэтический Маріенталь былъ центромъ цивилизаціи, въ настоящее время не только хлопотать, но и думать не приходится. Мы протестуемъ только противъ поглощенія провинціи однимъ центромъ, противъ непризнанія за провинціей ея человѣческихъ правъ, мы, наконецъ, протестуемъ потому, что въ самой жизни видимъ основанія для своего протеста. Въ данномъ случаѣ, говоря о провинціальной печати, можно прибавить, что лѣтъ 20 тому назадъ мы не протестовали, потому что и не подозрѣвали возможности такого протеста.

Противъ приводимыхъ вами цитатъ изъ моихъ мнѣній о провинціальной печати я, конечно, ничего не возражаю. Я обязанъ только дать нѣсколько разъясненій. Начать съ того, что мнѣнія о задачахъ и значеніи провинціальной печати, объ отношеніяхъ ея къ столичной и т. д., высказываемыя мною съ первой половины шестидесятыхъ годовъ (болѣе или менѣе опредѣленно—съ 1865 года), принадлежатъ лично моей особѣ, думается мнѣ, и потому, что они именно не мнѣ одному принадлежатъ. Ни для кого не новость, что одно лицо въ исторической жизни народовъ ничего не значитъ и что пороха одному человѣку не выдумать. Поэтому и я, можетъ быть, кое-что констатировать, кое-что подмѣтить, кое-что сгруппировать, кое-что отъ себя прибавить, въ концѣ же концовъ я явлюсь только однимъ изъ самыхъ мелкихъ

приказчиковъ — букашекъ одного крупнаго, великаго хозяина — исторической жизни народа, которому нужны и главные приказчики, общими силами пороховъ выдумывающіе, и такіе мелкіе, какъ нашъ братъ, которымъ пороху выдумывать не полагается, потому что онъ и безъ нихъ будетъ выдуманъ. Я увѣренъ, что точно такъ-же и вы смотрите на мое „видное представительство“ въ провинціальной печати, и только не упомянули объ этомъ, считая такое упоминаніе излишнимъ, по его, такъ-сказать, общеизвѣстной ненужности.

Увлекаемые своей идеей о монополіи центровъ, вы приводите выписку изъ моихъ мнѣній, оканчивающуюся словами „большому кораблю большое и плаваніе“ (стр. 60 вашей статьи), и, не замѣчая прони въ моихъ словахъ (между тѣмъ довольно грубой), рекомендуете ихъ подтвержденіемъ вашей централистской теоріи. Переносъ мои мнѣнія о задачахъ „Нижегородскаго Сборника“, какъ изданія, посвященнаго печатанію преимущественно (но не исключительно) однихъ матеріаловъ, преимущественно (но не исключительно) одного сырья, на задачи всей провинціальной печати, вы придаете этимъ мнѣніямъ и излишнюю скромность, которой они не имѣютъ. Вы упускаете изъ виду, что я поневоль, подъ вліяніемъ чисто-внѣшнихъ причинъ, ограничиваю задачи даже „Нижегородскаго Сборника“, и потому являюсь, можетъ быть, болѣе скромнымъ, чѣмъ-бы слѣдовало. Принимая съ благодарностью ваши ласки, слушая, какъ вы мнѣ говорите: „пайнъка, мальчикъ, пайнъка, голубчикъ, ступай въ классную и учись такъ-же прилежно“ — я винюсь, однако, что рассчитывалъ на болѣе проникательнаго читателя. Я ничего-бы не имѣлъ противъ личной моей скромности, если-бы, повторяю, мои мнѣнія мнѣ одному принадлежали, но такъ-какъ я въ данномъ случаѣ служилъ лишь болѣе или менѣе искусственнымъ выразителемъ мнѣній провинціальной интеллигенціи, то думаю, что излишнее смиреніе было бы паче гордости.

Обращаясь къ исторіи нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ, я долженъ сказать, что не малымъ тормозищимъ развитіе провинціальной печати обстоятельствомъ служить то, о чемъ говоритъ рядомъ съ вашей, другая статья (г. Н. Ш.), въ № 9 „Дѣла“, съ нѣкоторыми выводами которой нельзя не согласиться.

Если плохое матеріальное положеніе отражается на дѣятеляхъ печати въ столицѣ, то такое-же плохое, если не горшее, положеніе не можетъ помогать развитію и провинціальной печати. Большую, напр., газету безъ большихъ средствъ вести нельзя. Но вообразите слѣдующій казусъ: я выигрываю 2 января 1876 года 200.000. Вопросъ о провинціальной печати я считаю однимъ изъ самыхъ близкихъ себѣ вопросовъ. Я провожу весь 1876 годъ, можетъ быть и болѣе, можетъ быть и менѣе, въ солидной подготовкѣ къ дѣлу, т. е. составляю наивозможно совершеннѣйшій подборъ редакціонныхъ силъ (пожалуй, не откажусь принять участіе и въ такой борьбѣ, которую недавно вели между собою гг. Полетика и Баймаковъ), образуя цѣлый корпусъ корреспондентовъ, и затѣмъ начинаю издавать газету „Поволжье“, ежемѣсячный журналъ „Поволжскій Сборникъ“ или „Русскій Сѣверовостокъ“, календари, путеводители и т. п. въ одномъ изъ центровъ Поволжья, въ Казани... То-же самое дѣлается другими въ Ярославль, въ Саратовъ, въ Вяткѣ и т. д... Въ первый годъ я, можетъ быть, потерплю убытокъ, потому что масса публики, идущая, въ большинствѣ случаевъ, на буксирѣ петербургской печати (не думайте, что это открыто для васъ и тайна для насъ), еще не успѣетъ освоиться (какъ не успѣетъ съ этимъ освоиться и сама петербургская печать) съ мыслью, что въ провинціи можетъ существовать изданіе, неуступающее петербургскому.... Но пройдетъ нѣсколько лѣтъ и упадокъ подписки на большія петербургскія изданія въ районѣ моей издательской дѣятельности докажетъ, что мое предпріятіе имѣетъ за собою не одинъ нравственный, но и

чисто-коммерческій интересъ... Мнѣ такъ понравился мой проектъ съ 200,000 въ карманѣ, что я не могу удержаться уже отъ нѣкоторыхъ мечтаній „высшаго“ порядка. Я просто облизываюсь, воображая, что дѣлая то-же въ крупнѣхъ размѣрахъ, что я теперь дѣлаю, въ самыхъ миниатюрныхъ, издавая „Нижегородскій Сборникъ“, „Сборникъ въ память съезда“, „Нижегородку“, — я буду все это продѣлывать только съ большими сибаритскими удобствами.

Большія газеты (по крайней мѣрѣ, въ близкомъ будущемъ) не могутъ существовать въ центрахъ слишкомъ близкихъ къ столичнымъ (Тверь, Псковъ), которые, однако, могутъ имѣть свои превосходные, преимущественно, *местные* органы.... Припомнимъ, какія громадныя силы со стороны правительства требовались на основаніе столичныхъ петербургскихъ газетъ и печати вообще, а провинція сама прокладываетъ себѣ путь: провинціальныя изданія, въ большинствѣ случаевъ, предлагаютъ своимъ сотрудникамъ ничтожнѣйшій гонораръ, или даже вовсе его не предлагаютъ... Если камбековская „Ерунда“ доказала, что въ обществѣ существуетъ масса такихъ „писателей“, которые сами готовы платить деньги, чтобы только ихъ „творенія“ печатались, то корреспонденты и сотрудники, даромъ поддерживающіе хорошую провинціальную газету, больше удивленія и сочувствія возбуждаютъ, чѣмъ тотъ англійскій корреспондентъ, который ежедневно посылаетъ о путешествіи принца Уэльскаго по Индіи (телеграмму величиною въ газетный столбецъ, и обходится редакціи ежедневно по 7,000 р. Представители провинціальной литературы большею частью голяки, которые все-таки не такъ усердно поклоняются золотому тельцу, какъ такіе-же централисты голяки....

Если многіе изъ массы провинціальныхъ корреспондентовъ, пишущей теперь въ столичныя изданія, примѣняясь къ духу своихъ внушителей, подхватываютъ одни курьезы въ провинціи, и все-таки не могутъ иногда

не останавливаться на серьезных сторонах ее жизни, то эти же многие изъ массы корреспондентовъ обратились бы на путь истины съ возникновеніемъ настоящей провинціальной печати, сгруппировавшей все свои наличныя силы; она притянула бы къ себѣ даже, можетъ быть, и совсѣмъ отбившихся отъ двора и заматавшихся на своемъ отхожемъ промыслѣ провинціаловъ. Вы сомнительно качаете головою? Повѣрьте, что съ торгашеской точки зрѣнія развитіе провинціальной печати ударить Петербургъ по карману. Повѣрьте, что я говорю о развитіи печати не въ странѣ папуасовъ.... Наблюдайте провинцію изъ своего петербургскаго окошкѣ и смотрите съ ужасомъ, какъ-бы

Не двинулся на дознапскій замокъ... Но, кромѣ шутокъ, обращайтесь больше вниманія на провинцію. Это вамъ совѣтуетъ не человекъ, обозлившійся на Петербургъ,—это вамъ совѣтуетъ другъ, который вами, Петербургомъ, скорѣе избалованъ, а не отвергнутъ,—другъ, который не раздѣляетъ Петербурга отъ Россіи, который знаетъ, что въ Петербургѣ еще много людей, понимающихъ очень хорошо неправильныя и временныя отклоненія петербургской печати. Вы говорите: „Что можетъ вполне прилично высказать болѣе или менѣе шлифованный языкъ публициста-централиста, то совершенно иначе выразить шероховатая, далеко неотполированная еще рѣчь писателя-провинціала: если у Тита Ливія „патавинскаго“ (patavinus) полированные римляне находили въ языкѣ шероховатость „провинціализма“ (patavinitas), тѣмъ что отдающее, съ нашей точки зрѣнія, Поволжьемъ, поволжскимъ patois, это еще легче этотъ общественный патавинизмъ въ настоящее время подмѣчается въ приемахъ рѣчи Поволжья или хотя-бы Малороссіи, Титъ Ливій, чтобы быть въ безсмертномъ и полезномъ своей странѣ, всей своей великой отчизнѣ, а не умереть скоро забываемымъ провинціальнымъ писа-

телемъ, долженъ былъ насильственно задавить въ себѣ свой родной патавинизмъ, негармонировавшій съ общимъ строемъ жизни великаго города“ (стр. 67). Не знаю, что подумалъ-бы Титъ Ливій, прочитавъ эти строки, не знаю даже, былъ-ли-бы онъ менѣе безсмертенъ, сохранивъ свой „патавинизмъ“, но я лично люблю *физиономію* въ чело-вѣкѣ, и перенося эту любовь на областную жизнь, можетъ быть, потому и люблю ея и ея составныя части, что они имѣютъ свою физиономію, только еще не совсемъ выясненную и изслѣдованную... *Гришнымъ дѣломъ*, даже гордимся своимъ по-волжскимъ *patois* (если ужъ вы его замѣчаете), также какъ гордимся и нѣкоторой долею своей болтливости или шумънемъ касаться вопросовъ, съ которыми вообще печать должна обходиться осмотрительно“; какъ вы выражаетесь, — гордимся тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, это хорошій признакъ, а съ другой — мы сознаемъ, что умѣемъ же мы натягивать перчатки и облекаться въ черные сюртуки, когда намъ случается (поневоля, когда дома нельзя, негдѣ) появляться въ салонахъ петербургской печати... Не знаю, слѣдуетъ-ли мнѣ говариваться, что я не иду такъ далеко, чтобы доказывать надобность для провинціальной печати говорить „цокая“ и „дѣкая“, но признаюсь, те перешній „*patois*“ поволжской печати“ мнѣ гораздо милѣе „шифованнаго языка публициста-централиста“, у котораго нерѣдко за этимъ шифованнымъ языкомъ стало бить такое шифованное отсутствіе искренняго убѣжденія... Наши Титы Ливіи, попадая въ Римъ, дѣлаются петербуржцами, но объ этомъ-то мы и скорбимъ и желали-бы, чтобы наши Титы Ливіи, попадая въ Римъ, оставались тѣми-же патавинцами (и если-бы нужно было, я-бы вамъ назвалъ по фамиліямъ многихъ и многихъ, которые, съ нашей точки зрѣнія, „сохраняются“ въ Петербургѣ), а всего-бы лучше — оставались-бы и дѣйствовали-бы дома, въ своей милой Патавіи, а не въ Римѣ.

Если нѣтъ основаній печалиться объ абсентеизмѣ изъ Россіи тѣхъ абсентеистовъ, которымъ такъ скатертью дорога куда угодно, на всѣ четыре стороны — изъ-за того, что они свои капиталы у нѣмцевъ, за моремъ, проживаютъ, нечего особенно возмущаться, поназдоровье, пусть ихъ, надо и то сказать, что и за моремъ не камнѣ живутъ, и нѣмцѣ полакомиться нужно, — то также нѣтъ намъ основаній печалиться объ абсентеизмѣ изъ провинці доростовскъ, демутинскъ и т. п. Мы сокрушаемся только о тѣхъ интеллигентныхъ силахъ провинці, которыя, дѣйствуя въ Римѣ, теряются для провинціальной интеллигенціи... Нужно, впрочемъ, замѣтить, что теперь все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сознаніи провинціальной интеллигенціи необходимость дѣйствовать дома и не соблазняться болѣе блестящей приманкой, болѣе гастрономическимъ кускомъ, попадающимъ въ глотку въ Петербургъ... Придетъ, быть можетъ, время, когда на всякаго, соблазнишагося Петербургомъ, будутъ и смотрѣть изъ провинціи, какъ на ренегата... Но придетъ, вѣроятно, и то время, когда въ провинціи не будетъ и такой жолчи, когда она кличку ренегата будетъ считатьъ елицикомъ почетною и не будетъ обращать на своихъ абсентеистовъ никакого вниманія, какъ не обращаетъ она никакого вниманія на своихъ заграничныхъ абсентеистовъ... Относительно нашего *patois* развѣ еще прибавить мнѣ, что, пожалуй, законъ прогресса противъ насъ и въ вѣкъ, полного цоцаренія прогресса — въ каждомъ поэтическомъ *Mariental*, къ истинному у нашему — прискорбію, — будетъ — царствовать шибованный языкъ и публициста-централиста, — потому что вопросы о централизаціи, какъ сказано выше, упразднится до основанія. И тѣ... Г. ншн гдотр рдд-нквж ж

Многое еще могъ бы я вамъ сказать по поводу статьи вашей; — поправъги на свой любимый конекъ, я бы писалъ до безконечности, — но пора начинать прощаться съ вами, такъ какъ на первый разъ, пожалуй, и достаточно. Шеговорю, еще на эту тему, — въ задуманной мною

для одной изъ провинціальныхъ газетъ постоянной хроникѣ провинціальной литературы, и поговорю же въ VI томѣ „Нижегородскаго Сборника“, который выйдетъ изъ печати... Года черезъ полтора-два. Вы улыбаетесь? Вы предполагаете, что я думаю прожить цѣлые вѣка? А я не улыбаюсь, потому что стою у дѣла, которое имѣетъ историческую будущность; я не сдѣлаю, сдѣлають послѣ меня другіе, для меня это все равно, и потому я не особенно сокрушаюсь, если чувствуется, что крылья веревками спутаны. Придетъ время — распутаются!... Я даже предполагалъ говорить съ вами по поводу вашей статьи именно года черезъ полтора-два, въ VI томѣ „Ниж. Сборника“, но уступаю настояніямъ своихъ друзей и даже не дожидаясь появленія въ печати окончанія вашей статьи. А изъ некоторыхъ изъ моихъ друзей даже на столько нервны, что готовы объявить не только вамъ, но и петербургской печати, вѣщавъ о жизни и смерти, сейчасъ, сегодня. Я готовъ дать торжественное обѣщаніе, писать мнѣ одинъ изъ моихъ друзей, по принципу не писать ничего въ столичныхъ изданіяхъ, но сдѣлать это сдѣлать потому, что могутъ быть случаи, что то или другое *недѣла* печатать въ провинціи. Я готовъ встать въ театральную позу и продекламировать: клянусь въ вѣчной враждѣ къ монополюной столичной печати!... Поясню, почему я вижу въ васъ объективнаго изслѣдователя, наблюдающаго и еще колеблющагося. На стр. 45 вы говорите, что „девятнадцатый вѣкъ едва ли не положительно (?), хотя, надо полагать, временно (??) рѣшаетъ вопросъ о печати въ смыслѣ абсолютной централизаціи... печать въ провинціи едва ли имѣетъ близкое (???) будущее при данномъ складѣ общественной жизни...“ Тутъ, что ни слово, то противорѣчіе. Начиная за упокой, вы сводите за здравіе, потому что если печать въ провинціи не имѣетъ близкаго будущаго при данномъ складѣ общественной жизни, то ясно, что она имѣетъ, ну, пожалуй, *можетъ имѣть* отдаленное будущее при другомъ

складѣ общественной жизни. Достаточно было бы на-
 пасть даже не на всѣ, а только на нѣкоторыя изъ бю-
 щихъ въ глаза противорѣчій вашихъ, чтобы окончательно
 сбить васъ съ занимаемой вами позиціи. Но мнѣ ка-
 жется, въ воспользоваться въ письмѣ къ вамъ этимъ при-
 емомъ — не значить. Я вамъ хочу сказать, что вижу
 въ вашихъ противорѣчіяхъ не противорѣчія, не сла-
 бую, а именно сильную вашу сторону: человекъ тен-
 денціи сумѣлъ бы сгладить эти грубыя противорѣчія;
 изслѣдователь, объективно изслѣдующій данное явленіе,
 обязанъ выставить всѣ возникающія въ немъ противорѣ-
 чія. Потому-то я и возражаю вамъ, съ цѣлью разъясне-
 нія явленія, возражаю вамъ, какъ другу, убѣдительно
 прося васъ простить мнѣ всю неотесанную грубость мо-
 его „поволжскаго patois“, и возражаю вмѣстѣ съ тѣмъ и
 на нѣкоторыя ходячія мнѣнія о петербургской печати, въ
 которой я тоже вижу друга, которому мы много обязаны,
 и потому должны многое и прощать, до тѣхъ поръ пока
 она окончательно и безповоротно передъ нами не дискре-
 дитуется, чего я крѣпко вѣрую, не случится, и что,
 если бы случилось, не было бы пріятно провинціальной
 печати, которой въ высшей степени полезны всѣ, даже
 отрицательныя, стороны петербургской печати, такъ какъ
 первая съумѣетъ извлечь для себя полезныя указанія
 даже и отъ такихъ представителей столичной прессы,
 какъ тотъ, который, на дняхъ съ „ловкостью почти воен-
 наго человекѣ“ утверждалъ, что развитіе провинціальной
 печати зависитъ главнымъ образомъ отъ уничтоженія
 монополій „Губернскихъ Вѣдомостей“. Не мѣшаетъ же
 существованіе „Донскихъ Областныхъ Вѣдомостей“, „Дон-
 ской Газетъ“, „Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей“ — кіевскимъ
 газетамъ, „Иркутскихъ“ — „Сибири“, и т. д. и т. д.
 Была бы газета хороша, а подписчики ее поддержать,
 если не въ первый, то во второй и третій годъ; „Губ.
 Вѣдомости“ пусть ихъ будутъ „Губ. Вѣдомостями“; уни-
 чтоженіе же ихъ искусственной монополіи именно съ цѣлью

создания или поддержания другой искусственной монополии частных газетъ, по меньшей мѣрѣ непослѣдовательно. Ватѣмъ „почти-военный человѣкъ“ находить, что назначеніе провинціальной печати состоитъ въ собираніи матеріяловъ для болѣе искусственной отдѣлки ихъ столичной журналистикой!... Ужь не самимъ ли „почти-военнымъ человѣкомъ“?... „Благодарю“, хотя и „ожидалъ“... „Назначеніе провинціальной печати—въ собираніи матеріяловъ для болѣе искусственной отдѣлки ихъ столичной журналистикой!“... Недурно сказано! Какъ-будто для собирателя матеріяловъ нуженъ уровень знаній меньшій, чѣмъ для обработывателя! Какъ-будто самому „почти-военному человѣку“ неизвѣстно (а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ ему неизвѣстно... ну, такъ да простить ему Аллахъ!), что собиратель матеріяловъ долженъ самъ докапываться до фактовъ, и тогда только заслуживаетъ уваженія, когда самъ въ состояніи сдѣлать, на основаніи ихъ, извѣстный выводъ *)... Сказать-ли по секрету, что на нашемъ провинціальномъ жаргонѣ петербургскіе „обработыватели матеріяловъ“ (конечно, не всѣ, есть блестящія исключенія) называются по-просту „загребателями жаравчужими руками“... Въ „Ниж. Сборникѣ“, какъ намъ извѣстно, изданіи нижегородскаго статистическаго комитета, я печатаю доставляемые мнѣ матеріялы цѣликомъ (если дѣлаю поправки относительно языка, а иногда и болѣе существенныя, то лишь, такъ-сказать, редакціонныя), и *обработываю* только тѣ матеріялы, которые я самъ *собираю*. Другіе статистическіе комитеты руководствуются иными соображеніями: печатаютъ обработываемыя ими самими матеріялы, собранные на мѣстахъ, по селамъ, деревнямъ, другими лицами... Такая система, практикуюема, напр., добросовѣстно, моимъ сосѣдомъ, секретаремъ

*) Я говорю, конечно, не о первоначальномъ, такъ-сказать самомъ сыромъ матеріалѣ, преимущественно цифровомъ, который можетъ быть не только собранъ, но и обработываемъ человѣкомъ, пожалуй, и малорукотнымъ, лишь знакомымъ съ арифметикой. Но едва-ли даже и почти-военный человѣкъ полагаетъ задачами провинціальной печати собираніе одного таково цифроваго матеріяла.

№ 19699
0689671
2/5

костромскаго статистическаго комитета В. Р. Пироговымъ, въ его превосходныхъ трудахъ по отечествовѣдѣнію костромской губерніи (другія системы болѣе чѣмъ предосудительны), я имѣю въ извѣстную нѣкоторыя выгодныя стороны, но мнѣ, признаюсь, болѣе нравится моя, хотя бы потому, что въ „губернскій“ обработыватель болѣею частью пропуститъ мелкія уѣздныя, деревенскія особенности, а они-то и цѣнны... На московскомъ съѣздѣ юристовъ принято предложеніе г. Калачева о томъ, что желательно учрежденіе правительственной комиссіи, подъ наблюденіемъ которой на мѣстахъ свѣдущія лица записывали бы юридическіе обычаи, для того, чтобы въ Петербургѣ можно было составить сборникъ такихъ обычаевъ... Каюсь всепародно, что если бы мнѣ случилось прожить подольше въ какой-нибудь деревнѣ и записать юридическіе обычаи этой деревни, я бы, пожалуй, сообщилъ свой трудъ въ Петербургъ—противъ этаго я ровно ничего не имѣю—но только ужъ въ печатномъ видѣ, напечатавъ его дома, а тамъ его, пожалуй, и еще обработывай, да обработывай сколько угодно и кому угодно!... Одинъ литераторъ (петербургскій) рассказывалъ мнѣ (если онъ ошибается, то и я ошибаюсь), что когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „Московскія Вѣдомости“ доказывали необходимость вести какую-то желѣзную дорогу на Черниговъ, причемъ вмѣсто Черниговъ было, по недосмотру типографіи, напечатано Черпаковъ, какой-то изъ петербургскихъ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ подхватилъ эту гениальную мысль и осязательно, какъ $2 \times 2 = 4$, помощью даже какихъ-то статистическихъ данныхъ, доказалъ, что дорогу именно слѣдуетъ вести на г. Черпаковъ... На дняхъ одна столичная газета, объявила, что „Биржа“ дѣлаетъ „слѣдующее сопоставленіе труда мускульнаго и интеллигентнаго работника“... и далѣе идетъ самое сопоставленіе, но только сдѣланное не „Биржей“, а „Дѣломъ“, въ статьѣ г. Н. Ш., о которой сказано выше, которая дошла до этой газеты не непосредственно изъ „Дѣла“ (газета не читаетъ

Введеніе на

даже того, что у нея под носом пишется), а изъ „Виржи“... На дняхъ также одинъ петербургскій фельетонистъ большой газеты, рассказывая о курьезъ изъ практики одного магнетизера, счелъ своимъ непрѣннымъ долгомъ посвятить свой рассказъ преимущественно провинціаламъ, которые, якобы, склоняе петербуржцевъ ко всевозможнымъ спиритамъ, магнетизерамъ... А между тѣмъ, какъ провинціальная публика, за частую, кулаками расправляется съ спиритами, а провинціальная печать смѣется надъ спиритизмомъ, петербургскіе ученые мужи печатаютъ „серьезные трактаты“ о спиритизмѣ, а петербургскія ученныя собранія, коллегіи ученыхъ мужей принимаютъ ученныя рѣшенія изслѣдовать научнымъ путемъ, на сколько научны пути ученыхъ гг. Бредифовъ!... Но я-бы никогда не кончилъ подборъ такихъ анекдотовъ—ихъ такъ много, что можно-бы было сдѣлать для себя спеціальностью изданіе ихъ—скажу, не обинуясь, что Петербургъ, за многими исключеніями, вообще почти не знаетъ провинціи. Если-бы онъ сознался въ своемъ незнаніи, было-бы хорошо, но онъ думаетъ, что все знаетъ, и въ этомъ все его траги-комическое положеніе. Онъ умный, но наивный ребенокъ: покажи ему провинцію, существованіе которой онъ не подозрѣвалъ, онъ удивится, не пойметъ ее и ротъ разинетъ... Будемъ надѣяться, что современемъ онъ пойметъ, что провинція дѣйствительно существуетъ, и тогда постарается познакомиться съ нею... Мы-же, если чего не знаемъ, такъ и отрѣжемъ: не знаемъ, молъ, вѣдать не вѣдаемъ... Петербургская журналистика погрязла въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлается въ провинціи, чего желаетъ провинція... Въ данномъ случаѣ, въ вопросѣ о провинціальной печати, Петербургъ развѣ помогъ ей чѣмъ-нибудь положительно (въ тѣсномъ смыслѣ слова; положительно въ обширномъ, онъ ей помогаетъ, но еще болѣе помогаетъ отрицательно)? Развѣ общіе вопросы—задачи, дѣли провинціальной печати, ея значеніе, ея смыслъ поняты и разъяснены Петербургомъ, который съ помощью про-

виниці, додумался до необходимости изслѣдованія народа, но еще не додумался до необходимости изслѣдованія провинціи?... Я этимъ не хочу сказать, что сама провинція исполнила свою задачу блистательно. Нѣтъ, мы очень хорошо сознаемъ свое убожество, и потому и что сознаемъ вообще убожество русской мысли, но сознаемъ и то, что Петербургъ безъ провинціи модная шляпа безъ туловища... Какъ-бы то ни было, мы даже не требуемъ никакой помощи активной, мы желали-бы только помощи отрицательной, чтобы намъ не мѣшали... Едва-ли подлежитъ спору, что даже самое сильное правительство не въ состояніи совладѣть съ мертвящими, парализующими все его благія дѣйствія послѣдствіями черезчуръ сильной централизаціи: При ней въ столицѣ могутъ быть собраны все гении страны и все-таки дѣятельность ихъ, хотя-бы самая напряженная, будетъ бесплодна, — отъ отони-
-енъ. Вѣдь вы говорите, пожалуй, почти то-же самое, что и названный „почти-военный человѣкъ“, но разница между вами и имъ подобна разницѣ между мыслителемъ, задумывающимся надъ началомъ всѣхъ началъ и концомъ всѣхъ концовъ, и дамой, хотя-бы и „почтенной во всѣхъ отношеніяхъ“, но порѣшившей все вопросы за чашкой кофе съ своимъ кузеномъ; „почти-военный человѣкъ“ смотреть на провинцію, какъ на придурковатую, но съ золотымъ поросенкомъ, а тетеньку, находящую что-то поросенокъ этотъ очень вкусенъ; а вы смотрите на провинцію, какъ на хорошую, любящую, и съ большими грудями, полными здоровымъ молокомъ, мать, обязанную только упитать свое дѣтище, Петербургъ, и затѣмъ уже ничему его не учитыва-
-нныя. Когда мнѣ одинъ очень умный, очень образованный и очень талантливый человѣкъ (петербуржецъ) певаль въ 1870 году, по поводу выхода изъ печати III тома „Ниж. Сборника“, на мое „кокетничанье“, какъ онъ выразился, съ петербургскою печатью, я горячо возразилъ, что не принадлежу къ тѣмъ ученикамъ, которые забываютъ заслуги своихъ хорошихъ учителей; когда одинъ

столичный наѣздникъ подскочилъ съ азартомъ въ 1868 году къ какому-то частному промаху I тома „Ниж. Сборника“, не понявъ общихъ задачъ изданія, я, нисколько не задумываясь, размахнулся и съ грубостью волжскаго бурлака рѣзанулъ его на отмашь, что было силы... Въ окончательное паденіе петербургской печати я не вѣрю, такъ-какъ она есть часть русской мысли, и тогда измельчается окончательно и ниспадаетъ до ничтожества, когда изсякнетъ русская мысль; это же слѣдуетъ сказать и о провинціальной печати. Кто вѣритъ въ будущность петербургской печати, тотъ долженъ вѣрить въ будущность провинціальной.... Повторю то, что сказалъ въ V томѣ „Ниж. Сборника“, что и вы цитировали въ вашей статьѣ: „Мы, понятно, ни въ чемъ не упрекаемъ центристовъ-литераторовъ; мы только находимъ, что у нихъ свои задачи, у насъ—свои, кромѣ, конечно, тѣхъ общихъ задачъ, которыя одинаково принадлежать и имъ, и намъ“.

Весь споръ сводится, слѣдовательно, къ тому, что вы полагаете, что недавно еще возлагались на провинціальную печать надежды, а теперь она ихъ не оправдала, потому что, по естественнымъ законамъ природы, и не можетъ ихъ оправдать, и что поэтому провинціальная печать будетъ и должна быть вѣчной кабальной батрачкой на столичную (такъ-ли я васъ понялъ? Или вѣрнѣе будетъ то пониманіе мое, которое также мною высказано, т. е. что вы колеблетесь, ищете, но еще не нашли?) Мы же полагаемъ, что только теперь провинціальная печать начинаетъ подавать надежды, а ранѣе не могла этого дѣлать, такъ-какъ вовсе не существовала, и твердо вѣруемъ и крѣпко убѣждены (безъ этой вѣры и безъ этого убѣжденія и не могли бы взяться за дѣло), что надежды эти оправдаются, потому что видимъ, что онѣ начинаютъ оправдываться... Можно, слѣдовательно, говорить и спорить только о признакахъ будущаго явленія, но утверждать о немъ, какъ объ осуществившемся, волишь

фактъ, въ томъ или другомъ смыслѣ, въ положительномъ-ли, въ отрицательномъ-ли, пока еще преждевременно какъ съ нашей, такъ и съ вашей стороны.... Когда я еще былъ ребенкомъ, еще до гимназій, и читалъ дѣтскія историческія сочиненія, я былъ въ полной увѣренности, что исторія—это то, что позади насъ (потомъ, уже въ университетѣ, я узналъ, что и многие „историки“ такъ же думаютъ), и былъ бы крайне удивленъ, если бы кто мнѣ сказалъ, что настоящее и будущее—тотъ же историческій матеріалъ, что и прошедшее Афинъ и Рима. Дѣло провинціальной печати—дѣло въковое.... Если во времена Вѣлинскаго публика читала однѣ французскія книжки, а русскія брала въ руки не иначе, какъ въ перчаткахъ, то та же публика, склонная теперь къ столичнымъ фабрикатамъ мысли, начинаетъ склоняться и къ провинціальнымъ. Какъ болтливая провинціалка, начавъ съ вами прощаться въ гостинной, я заговорился и въ залѣ, и въ передней. Какъ провинціалка, прибавляющая въ своемъ посты-скриптумѣ письма къ петербургской подругѣ неизбѣжную фразу: „извини, ша сѣгѣ, что такъ неразборчиво пишу—тороплюсь на почту“, такъ и я попрошу у васъ извиненія за нѣкоторую неряшливость и, можетъ быть, непослѣдовательность своего письма.... Клянусь вамъ, впрочемъ, что непослѣдовательность его и неряшливость болѣе, я такъ сказать, внѣшнія, а не внутреннія... То же „тороплюсь на почту!“ При случаѣ, и, можетъ быть, дома выскажусь подробно и обстоятельнѣе. А не выскажусь я,—выскажутся другіе. Вопросъ сложенъ, и по тому, на что я только намекнулъ, чего коснулся мимоходомъ, можно написать цѣлыя трактаты. Во всякомъ случаѣ, провинціальная печать должна вамъ быть благодарной за то, что вы, въ числѣ немногихъ литераторовъ централистовъ, хоть подмѣтили движеніе въ ней, неподмѣчаемое другими. А пока еще провинціальный писатель можетъ сказать своимъ петербургскимъ собратамъ: умѣйте

только прислушиваться къ провинціи и понимать, что она говорить; не смотрите на нее такъ, какъ смотрите на сельской ярмаркѣ фигляръ съ высоты своего балкона на гадающую у ногъ его толпу... и тогда не бойтесь бирнамскаго лѣса!

Вамъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что я какъ-будто путаю такія понятія, какъ литература, печать, журналистика.... Не я, а вся провинціальная печать, въ совокупности, начиная отъ газетъ, въ родѣ ярлыковъ и прейсъ-курантовъ, до *дѣйствительныхъ* газетъ, книгъ, изданій провинціальныхъ университетовъ, обществъ, земства, если не разъясняетъ и доказываетъ, то не столько разъяснить словами, сколько докажетъ вамъ на дѣлѣ, что въ бѣгломъ письмѣ опредѣленно и подробно нельзя выяснитъ сложнаго вопроса.... Какъ жаль, что И. С. Тургеневъ не займется изученіемъ провинціальной печати: онъ ни петербургскій, ни провинціальныи писатель, онъ даже, можетъ быть, ни русскій писатель, онъ—человѣкъ, художникъ, и своимъ художественнымъ чутьемъ разгадалъ бы, можетъ быть, больше, чѣмъ мы понимаемъ, ломая наши головы!... Недурно-бы и конгрессъ литераторовъ устроить (конечно, не однихъ петербургскихъ)... А все-бы на И. С. Тургенева надежды больше было!

Вамъ, можетъ быть, смѣшно покажется, что я говорю иногда съ какимъ-то сильнымъ апломбомъ—я-ста, мы-ста. Но въ этомъ вы сами виноваты, пожаловавъ меня „въ представители провинціальной печати“, и даже въ „самаго виднаго представителя“.... Повѣрьте, что я лично всего менѣ увлеченъ своимъ „представительствомъ“; по крайней мѣрѣ гораздо менѣ, чѣмъ иная городская дума, купно съ головой, воображающая себя дѣйствительнымъ представителемъ своего города и истолкователемъ его думъ и нуждъ, и если употребляю иногда съ важностью: я, мы, то только потому, что иначе выразиться не умѣю. Впрочемъ, надѣюсь, что въ моемъ „возношеніи“ вы за-

мѣтите и не малую долю... ну, хоть веселости: вы настаиваете на томъ, что провинціальная печать не имѣетъ подъ собою реальной почвы, и меня называете представителемъ такого дутаго явленія, придасте мнѣ чуть не главенство надъ такой дутой „партіей“... Съ вашей точки зрѣнія, признаюсь, я счелъ-бы себя счастливымъ быть ногами, даже грязью и потому ногъ реального тѣла, чѣмъ главой такого игрушечнаго.

Прошу васъ за всеѣмъ тѣмъ, Даниль Лукичъ, вѣрить въ мое искреннѣйшее, да—искреннѣйшее уваженіе къ вамъ.

А. Гацискій.

14 октября 1875 года
Нижній Новгородъ.